

УДК 338.012 DOI: 10.14451/1.240.170

Динамика структурных трансформаций российской экономики по трехсекторной модели

© 2024 **Курушина Елена Викторовна**

Профессор кафедры экономики и организации производства, доцент, доктор экономических наук. Тюменский индустриальный университет (ТИУ), Россия, Тюмень.

E-mail: kurushinaev@tyuiu.ru

© 2024 **Будков Дмитрий Владимирович**

Аспирант. Тюменский индустриальный университет (ТИУ). Россия, Тюмень.

E-mail: budkovdv@gmail.com

Ключевые слова: структурная трансформация, трехсекторная модель, циклические колебания, кризисы, линейный тренд.

В статье на основе трехсекторной модели экономики исследованы структурные трансформации за 1994–2022 годы. Выявлены циклические колебания, связанные с кризисами, свидетельствующие о необходимости повышения гибкости производств. Определены тенденции на основе трендовых моделей по секторам экономики, необходимые для стратегического планирования развития кадрового потенциала и инвестиционных процессов.

Введение

Двадцатые годы XXI века ознаменовались глубокими кризисными явлениями в эпидемиологической сфере в 2020 г. и в геополитической – в 2022 г. Эти явления вызвали значительные структурные изменения в экономике, называемые структурными трансформациями [1; 2; 7]. Проявлениями ухудшения макроэкономической стабильности в период пандемии А. Гальяно считает снижение инвестиционной, предпринимательской и внешнеэкономической активности, а также доходов населения и рост безработицы. В связи с этим в качестве главного приоритета предлагается структурная трансформация экономики в направлении ускоренного развития

высокотехнологичных отраслей [3]. Другие авторы указывают на влияние эпидемиологического кризиса на снижение ВВП, цен на нефть и доходов федерального бюджета [6].

Геополитический кризис 2022 года оценивается рядом исследователей по влиянию на экономику и последствиям как более масштабный и продолжительный [9; 10]. При этом структурные трансформации также связываются с изменениями в технологическом уровне отраслей, в том числе в IT-сфере.

Влияние воздействия внешних шоков в результате санкционного давления, по мнению С. Жиронкина, будет проявляться в перераспределении капитала между секторами и отраслями эконо-

мики [4]. Изменения трехсекторной структуры экономики, проявляющиеся в перетоке ресурсов между сельским хозяйством, промышленностью и сферой услуг О. Буклемишев считает маркером структурных трансформаций [2].

Цель исследования заключается в определении закономерностей структурных трансформаций российской экономики с позиций трехсекторной модели экономики Фишера-Кларка.

Методы исследования

В исследовании использованы общенаучные и статистические методы, а также методы визуализации. В качестве информационной базы использованы данные Федеральной службы государственной статистики [8].

Результаты исследования

Исследование динамики структуры российской экономики за 2002–2022 гг. по валовой добавленной стоимости позволило выявить наименьшую вариабельность третичного сектора экономики в размере 3% (от 56,6% в 2004 г. до 63,3% в 2016 г.). Во вторичном секторе с учетом того, что минимальное значение его доли в экономике 22,2% наблюдалось в 2022 г., а максимальное 27,7% в 2004 г., коэффициент вариации составил 7,2%. Доля первичного сектора экономики изменялась с 13,2% в 2002 г. до 18,5% в 2022 г. При этом коэффициент вариации составил 9,7%. Следует отметить, что наибольший вклад в структурную динамику внесли добывающие отрасли полезных ископаемых, как видно по рисунку 1.

Характерным является тот факт, что доля добывающих отраслей существенно снижалась во время мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., валютно-финансового – 2014–2016 гг. и в период эпидемиологического – в 2020 г. В связи с этим нельзя не отметить выраженную цикличность с периодичностью фаз, равную 6 годам. Кроме циклических колебаний, была выявлена линейная тенденция возрастания доли сектора добычи полезных ископаемых в экономике за исследуемый горизонт времени (рис. 2). При этом доля сельского и лесного хозяйства, а также вторичного сектора экономики, включая промышленность

и строительство, снижалась. По рисунку 3 четко визуализируется спад доли вторичного сектора в 2009–2010 гг. и в 2016–2017 гг., что соотносится (с временным лагом в 1 год) с мировым кризисом 2008–2009 гг. и российским валютно-финансовым кризисом 2014–2016 гг. Одной из причин последнего явилось введение международных экономических санкций.

Наличие сопоставимых статистических данных за 1994–2022 г. позволило проанализировать динамику доли третичного сектора российской экономики за 29 лет. В течение трех десятилетий доля сферы услуг имеет стабильную тенденцию роста. В среднем ежегодно доля третичного сектора увеличивается на 0,57%. Исследуя циклические колебания доли третичного сектора экономики по рисунку 4, очевидно, что в периоды кризисов этот показатель возрастает. Выявленная закономерность подтверждается кризисом 1998 г., вошедшим в историю как дефолт, а также упомянутыми выше эпидемиологическим (2020 г.) и финансовыми (2008–2009 гг., 2014–2016 гг.) кризисами.

О кризисных явлениях 2002 г. практически нет информации в научной литературе, но по приведенным на рисунках 1–4 данным прослеживаются признаки структурных трансформаций. В числе вызвавших их причин могут быть, во-первых, влияние кризиса США (2001 г.), поскольку доллары США составляли почти 2/3 золотовалютного запаса России, а Соединенные Штаты выступали одним из главных (после Германии) импортеров страны [8]. Во-вторых, в 2002 г. Россия столкнулась с перепроизводством зерна, террористическими актами и природными катаклизмами [5].

В кризисные годы наблюдаются наибольшие отклонения долей секторов российской экономики, значения которых представлены в таблице 1.

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что в периоды кризисов снижается экономическая активность вторичного сектора экономики (отраслей промышленности, строительства) и первичного сектора (особенно в части отраслей

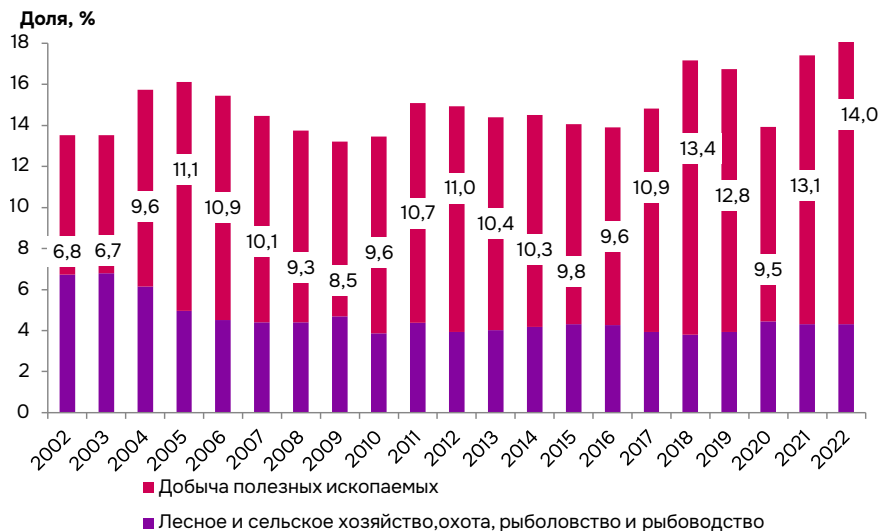

Рис. 1. Динамика структуры первичного сектора российской экономики за 2002–2022 гг., %.

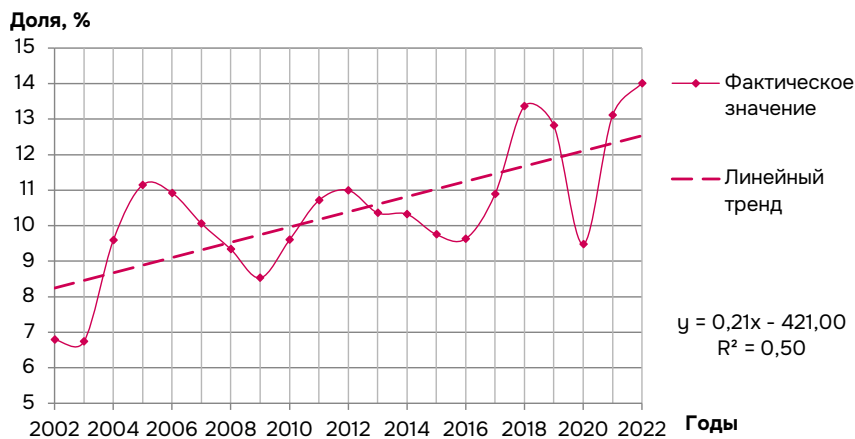

Рис. 2. Динамика доли добычи полезных ископаемых в ВДС без налогов и субсидий за 2002–2022 гг., %.

добычи полезных ископаемых), но возрастает доля третичного сектора (сферы услуг). При этом наибольшая чувствительность к эпидемиологическому кризису 2020 г. наблюдалась в секторе добычи полезных ископаемых, к валютно-финансовому кризису 2014–2016 гг. – во вторичном секторе, а к мировому финансовому кризису 2008–2009 гг. – в третичном секторе.

Выводы

В заключение можно сделать вывод о том, что структурные трансформации российской эко-

номики имеют долгосрочные линейные тренды и циклические колебания. Долгосрочные тренды являются основой для разработки стратегических планов развития кадрового потенциала страны и инвестиционных процессов, регулирования рынка труда и капитала. Выявленные циклические закономерности изменения секторной структуры экономики актуализируют проблему повышения гибкости отраслей в периоды кризисов и разработки мер их государственной поддержки.

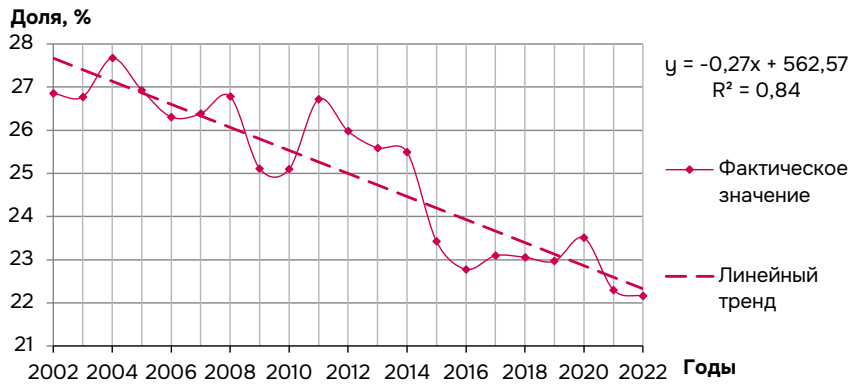

Рис. 3. Динамика доли вторичного сектора экономики в ВДС без налогов и субсидий за 2002–2022 гг., %.

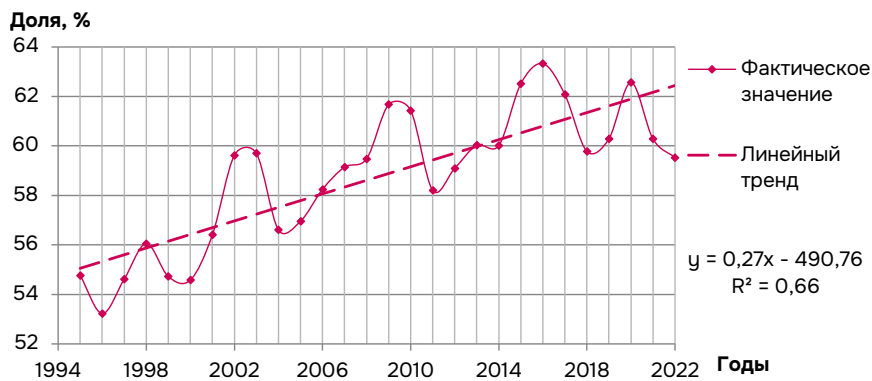

Рис. 4. Динамика доли третичного сектора экономики в ВДС без налогов и субсидий за 1994–2022 гг., %.

Таблица 1. Относительные отклонения долей секторов экономики от линии тренда в периоды кризисов, %.

Сектор экономики	2002	2009	2015–2016	2020
1. Первичный сектор, в том числе:	-2,4	-9,9	(-8,5)–(-10,3)	-12,7
Отрасли добычи полезных ископаемых	-17,5	-12,4	(-11,5)–(-14,3)	-21,6
2. Вторичный сектор	-2,8	-2,5	(-3,0)–(-4,7)	-1,1*
3. Третичный сектор	4,6	4,7	3,3–4,7	1,1

* значение 2021 г.

Библиографический список

1. Асадуллина А. В., Вилкул Н. А. Цифровые экосистемы: методологические основы и структурная трансформация в России // Russian Economic Bulletin. – 2024. – Т. 7, № 1. – С. 358–370.
2. Буклемишев О. В. «Структурная трансформация» российской экономики и экономическая политика // Проблемы прогнозирования. – 2023. – 4 (199). – С. 42–53. – DOI: [10.47711/0868-6351-199-42-53](https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-42-53).
3. Гальяно А. А. Структурная трансформация экономики России в период пандемии // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной Академии. – 2021. – 4 (45). – С. 23–28.
4. Жиронкин С. А. Скрипко В. Е. Сетевая структурная трансформация экономики как фактор повышения ее устойчивости к внешним шокам // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2024. – 3 (233). – С. 9–20.
5. История новой России. События 2002 года. – URL: <http://ru-90.ru/chronicle/2002> (дата обр. 15.10.2024).
6. Кунцман М. В., Султыгова А. А., Хашпакова Д. А. Структурная трансформация экономики в период пандемии // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – 3–2 (97). – С. 74–79.
7. Набиуллина Э. С. Выступление на совместном заседании профильных комитетов Государственной Думы, посвященном рассмотрению Годового отчета Банка России за 2021 г. 18 апреля 2022 г. – URL: <http://cbr.ru/press/event/?id=12824>.
8. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic> (дата обр. 15.10.2024).
9. Пешкова Г. Ю., Самарина А. Ю. Структурная трансформация российской экономики в результате санкционной политики Запада на примере сферы IT // Вестник Алтайской Академии экономики и права. – 2022. – № 6. – С. 299–302.
10. Шалимова А. В. ЦБ назвали самый опасный фактор кризиса 2022 и описали этапы перестройки экономики. – URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10965134&> (дата обр. 15.10.2024).